

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое МАЯ 1883

26 Апрѣля въ 10 часовъ вечера умерла и 29 похоронена въ Женевѣ СОФІЯ ИЛЛАРИОНОВНА БАРДИНА, нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ прибывшая въ Женеву изъ Сибири, куда она была отправлена на каторгу по приговору особаго присутствія сената въ мартѣ 1877 г. Поводомъ къ обвиненію была ея пропаганда социальной реформы въ средѣ рабочихъ въ Москвѣ. Во время процесса своего С. И. Бардина произнесла рѣчь съ изложеніемъ своихъ убѣжденій, за которыя, какъ равно и за всю ея дѣятельность, она ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, кромѣ Россіи, не была бы даже привлечена къ суду. Какъ личность, покойная была крайне симпатична скромнымъ достоинствомъ, образованіемъ и любовью къ труду. Не сомнѣваемся, что ближайшіе друзья покойной познакомятъ общество съ подробностями ея біографіи. Нѣкоторые даныя, относящіеся сюда, напечатаны, вмѣстѣ съ рѣчью Бардиной, въ брошюрѣ: «Дѣтубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ. Женщины московскаго процесса социалистовъ». Изданіе Громады, 1877 г. Рѣчь эта помѣщена также и въ V т. «Впередъ».

ЖЕНЕВА, 1 мая 1883.

Напечатанное въ прошломъ №-рѣ нашей газеты письмо къ А. И. Герцену Юрія Самарина (1858 г.) вмѣстѣ съ помѣщенными въ настоящемъ №-рѣ письмами къ тому же лицу И. С. Аксакова (1857—1861 гг.) представляютъ, смѣемъ думать, очень любопытные документы для исторіи т. наз. московско-славянофильскаго направленія. Это же направленіе имѣетъ и до сихъ поръ большое значеніе въ Россіи, хотя не столько по своимъ литературнымъ силамъ (очень упавшимъ въ послѣдніе годы) и по ихъ вліянію на сознательную часть общества, сколько по тому, что направленіе это есть пока единственная въ Россіи литературная партія, имѣющая своихъ непосредственныхъ представителей въ свѣтѣ, въ т. наз. правящихъ классахъ. Вотъ почему людямъ противныхъ м. славянофильству направленій приходится говорить о немъ чаще и больше, чѣмъ это слѣдовало бы съ точки зрѣнія чисто литературныхъ отношеній. Еще годъ тому назадъ — московское славянофильство было вполне офиціознымъ направленіемъ, — и кто поручится, что оно не станетъ такимъ вновь? Да и теперь, не смотря на нѣкоторый разладъ м. славянофиловъ съ правительствомъ гр. Толстого, все таки это славянофильство не противоположно ему до такой степени, какъ противоположны ему оба отѣнка либеральнаго направленія: народническое и конституціонное, съ которыми обоими органъ моск. славянофильства ведетъ открытую, по его мнѣнію, смѣлую (!) войну, тогда какъ для заявленія несогласій съ правительствомъ органъ этотъ находитъ только темныя намеки, — говоря терминомъ Ю. Самарина и г. И. Аксакова, — выхолощенного слова, — на этотъ разъ уже добровольно выхолощенного!

И однакоже, напечатанные нами письма Ю. Самарина и г. И. Аксакова свидѣтельствуютъ, что у моск. славянофиловъ былъ свой либеральный періодъ, — такъ таки прямо либеральный, не говоря уже о томъ, что эти славянофилы и теперь не отказываются отъ званія друзей свободы, только-де понимаемой иначе, чѣмъ т. наз. либералами, которые-де собственно не друзья свободы, а исчадіе,

если не братья бюрократіи. Письма Ю. Самарина и г. И. Аксакова соотвѣтствуютъ maximum'у либерализма московскаго кружка, — либерализма и въ томъ смыслѣ, какой имѣло въ Россіи это слово въ 1857—61 гг., т. е. демократизма, и въ общемъ политическомъ смыслѣ, въ какомъ оно преимущественно употребляется въ Россіи теперь. Оба писателя открещиваются не только отъ Николаевщины, но и отъ сочувствія правительству и власти вообще, сворачивая упрекъ въ поклоненіи этой власти отъ себя на своихъ литературныхъ противниковъ, — при чемъ Самаринъ ловкимъ софизмомъ превращаетъ самого Герцена въ старовѣра, подобнаго м. славянофиламъ, какъ поклонника Европы не современной ихъ перепискѣ, т. е. бонапартовской, а Европы прежней (1830—1848 г.); либеральной. Г. И. Аксаковъ, говоря другими словами то же самое (см. письмо 1-ое, стр. 5, столб. 1, строк. 11—13), является поклонникомъ Англіи, примѣромъ которой желаетъ поучать свою публику объ отношеніяхъ полиціи къ частнымъ людямъ, о личной свободѣ и т. д.

Какая разница съ г. Аксаковымъ и его единомышленниками послѣднихъ лѣтъ! И однакожъ, вчитавшись хорошенько въ письма обоихъ корифеевъ московской школы, увидишь всю естественность перехода ихъ на сторону власти и реакціи. Въ особенности письмо Самарина (письмо болѣе обработанное, нарочито - литературное), при всемъ его либерализмѣ и даже своего рода западничествѣ, доказываетъ полную справедливость сдѣланнаго уже однимъ умнымъ историкомъ русскаго литературно - общественнаго движенія, замѣчанія о томъ, что м. славянофилы, прежде всего въ роисповѣд-ная партія. Для Самарина и дорогаго славянофиламъ община не мыслима безъ религіознаго (конечно, православнаго) начала. (Сравн. письмо его съ указаніями въ статьѣ г. Анненкова „Замѣчательное десятилѣтіе“, „В. Европы“, 1880, Апр., 467, о томъ, какъ м. славянофилы смотрѣли и на русскую общину, какъ на примѣръ сочетанія христіанской идеи съ потребностями матеріальнаго существованія, — и Мартъ, 19—21, 48—49, о византизмѣ Хомякова и его критикѣ социальнаго положенія зап. Европы съ точки

СОДЕРЖАНІЕ.

- 1) Московскіе славянофилы и самодержавіе. —
- 2) Къ Алухтинскимъ безпорядкамъ въ Пулавахъ. (Кіевское изданіе прокламаціи Пулавскихъ студентовъ). —
- 3) Студенческія волненія въ Варшавѣ. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). —
- 4) Изъ бумагъ редакціи «Колокола», VII. Письма И. С. Аксакова къ А. И. Герцену (1857—1861 г.). —
- 5) Самодержавіе и ближайшія задачи его противниковъ (Письмо въ редакцію). Ц. —
- 6) Восемнадцатая лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. З. С. (Окончаніе). —
- 7) Положеніе сельскихъ рабочихъ въ Италіи. (Корреспонд. «Вольнаго Слова»). А. Пистолези. —
- 8) Земская хроника. IV. Административно - политическіе вопросы. О. В. —
- 9) Библиографія: «На Роднѣ» № 3. Л. Б. —
- 10) Извѣстія и замѣтки: Изъ петерб. политич. процесса. — Г. Судейкинъ въ Кіевѣ. — Глушые! — Изъ Przedsłowa № 16. — Отвѣтъ редактора.

зрѣнія византизма же). Прибавивши къ этой вѣроисповѣдности несомнѣнный духъ племеннаго пристрастія, — получимъ такую наклонную площадку, на которой м. славянофилы естественно должны были растерять всѣ свои общія съ либеральными западниками стремленія и вмѣстѣ съ тѣмъ сойтись съ апостолами домашней реакціи, сначала церковной, потомъ правительственной, а дальше, — что случилось уже съ г. И. Аксаковымъ, — и социальной (теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ, проводимая въ „Руси“).

Разсматривая письма двухъ московскихъ славянофиловъ изъ самой лучшей поры ихъ дѣятельности, въ связи со всѣмъ общественнымъ движеніемъ въ русской литературѣ, какъ предшествовавшей этой порѣ эпохи, такъ и непосредственно за нею слѣдовавшей, — видишь всю несостоятельность основъ московско-славянофильской доктрины.

Два представителя этой доктрины — въ моментъ, когда жизнь поставила серьезнѣйшій для страны вопросъ, — относятся благодарно къ дѣятельности представителя противнаго имъ направленія. Что же? перемѣнилъ ли онъ свои исходныя точки, сталъ ли московскимъ византийцемъ? *) Ни мало. Значить, чтобы быть защитникомъ русскаго народа и общины, не было никакой надобности становиться византийцемъ, по московскому образцу. Конечно, московскіе византийцы, исходя изъ своей точки зрѣнія, отчасти послужили объясненію и русской исторіи, и народной жизни, и оказали и практическія услуги послѣдней, по пора бы уже опредѣлить точнѣе размѣры этихъ услугъ. Одно чтеніе, напр., названныхъ записокъ г. Анненкова, а также печатающейся теперь статьи его „Идеалисты 30-хъ годовъ“, показываетъ, что старые западники, въ особенности Герценъ, вовсе не были такими отрицателями русской оригинальности и такими безусловными рабами Запада, особенно современнаго имъ, буржуазнаго Запада, какъ любятъ ихъ рисовать панегиристы московскаго славянофильства. Съ другой стороны, есть много оснований утверждать, что не только критика современнаго Запада, но и самое народолюбіе московскихъ славянофиловъ и „открытие“ ими р. общины (которая, впрочемъ, описана была впервые нѣмцемъ Гакстгаузеномъ) совершилось не безъ вліянія западнаго социализма, проникшаго въ Москву въ началѣ

*) Мы должны оставить въ сторонѣ научный вопросъ о дѣйствительномъ историческомъ значеніи Византизма, котораго во время старыхъ московскихъ кружковъ одинаково не понимали ни западники, ни восточники и который, благодаря цензурѣ свѣтской и духовной, темнѣе для р. публики, даже самой образованной, и теперь. Только недавно наука, — конечно, главнымъ образомъ, западная, — стала разъяснять, сколько именно „западнаго“, въ духѣ столь презираемаго Хомяковыми „возрожденія“ (Renaissance), сохранилось въ Византизмѣ и прорывалось нѣсколько разъ послѣ торжества православія въ VI в. (съ закрытіемъ при Юстиніанѣ аѳинской школы, которую историкъ ея, Герцибергъ, называетъ университетомъ), и въ томъ числѣ прорывалось и передъ самымъ завоеваніемъ Византии турками и началомъ „возрожденія“ въ Италіи.

40-хъ годовъ (см. у г. Анненкова же). Это доказывается между прочимъ и тѣмъ желаніемъ зарекомендовать себя передъ Прудономъ, какое видно въ Самаринѣ (см. письма его къ Герцену въ „Руси“, 1883, II, и письмо Прудона къ нему тамъ же), и въ г. Аксаковѣ (дальше, Р. С. письма 2-го), а также тѣмъ удовольствіемъ, съ какимъ писалъ въ 1858 г. г. Аксаковъ Г—ну о томъ, что „студенты-социалисты знаютъ и уважаютъ всѣхъ насъ (славянофиловъ) лично“. Вообще народническія стремленія м. славянофиловъ воплотили аналогичны съ такими же стремленіями западныхъ религіозныхъ социалистовъ, проявившихся еще въ 30-е—40-е года. (Бюше и др.).

Со временемъ эта все таки здоровая, прогрессивная струя, — народничество, — совсѣмъ перешла отъ моск. славянофиловъ на сторону направленія, которое во всякомъ случаѣ пошло отъ т. наз. западничества, а не отъ московскаго византизма: сама община, открытіе и защиту которой вмѣняютъ себѣ въ честь московскіе славянофилы, была поставлена въ русской литературѣ научнымъ образомъ Чернышевскимъ и исслѣдована потомъ болѣею частью его учениками. Къ новымъ, болѣе или менѣе прямо европейскимъ, по школѣ, социалистамъ въ Россіи перешли, вмѣстѣ съ народничествомъ, отчасти даже ненужности руссофилства, начиная съ Герцена, благодаря его гегеліанству, предполагавшему смѣну руководящихъ народовъ въ исторіи, и оканчивая многими современными русскими социалистами-народниками, благодаря слабости ихъ общаго образованія *). Московская же славянофильская школа осталась теперь только при этихъ ненужностяхъ, при узкомъ націонализмѣ, при византизмѣ, — да при поклоненіи самодержавію, какъ оригинальному будто бы національно-русскому учрежденію.

Поклоненіе это видно у г. Аксакова даже въ письмахъ его либеральнѣйшей эпохи. Онъ видитъ всю несостоятельность Александра Николаевича для преобразования Россіи, онъ жаждетъ свободы печати, которая по его мнѣнію, „вынесла бы на своихъ плечахъ истину“, — а все таки ворчитъ на адреса дворянъ, требующіе

*) Въ настоящее время такой человѣкъ, какъ Герценъ, конечно, не написалъ бы фразы, восхитившей Самарина, что въ Западной Европѣ „такъ и стучишь о предѣла міра завершенаго“, или словъ его въ отвѣтъ „Дню“ г. Аксакова: „Для васъ русскій народъ преимущественно народъ православный, т. е. наиболѣе христіанскій, приближающійся къ веси небесной. Для насъ русскій народъ преимущественно социальный, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной веси, къ которой стремятся всѣ социальные ученія“ (Колоколъ, 15 ноябр. 64 г. „Концы и Начала“). Теперь онъ увидѣлъ бы, что буржуазный періодъ въ Западной Европѣ „завершился“ и что здѣсь теперь всѣми партіями ставится социальный вопросъ, который здѣсь не только никто не думаетъ обойти, какъ думаютъ это русскіе правительственные мудрецы, но который Западной Европѣ никто, ни даже самъ Бисмаркъ, не думаетъ рѣшить безъ, по крайней мѣрѣ, извѣстной доли самостоятельности населенія и самоуправленія общественныхъ группъ, какъ считаютъ это возможнымъ, и которые русскіе философы не только правыхъ, но и лѣвыхъ партій.

самоуправленія. Онъ суевѣрно боится западной „конституціи“, — боится даже послѣ освобожденія крестьянъ, когда уже нечего было опасаться даже того, чтобы конституція не послужила крѣпостникамъ противъ эмансипаціи, — хотя самая плохенькая конституція все таки принесла бы съ собою добрую долю свободы сужденія и печати, между тѣмъ какъ одни цензурные митарства, какъ описываетъ самъ же г. Аксаковъ, должны бы были научить его, что самодержавіе и свобода сужденій и печати несомнѣнны!

Ю. Самаринъ далеко менѣе благодаренъ, чѣмъ г. И. Аксаковъ, и еще лучше его понималъ несостоятельность всего антуража петербургскаго престола для реформы, даже крестьянской. Онъ усмотрѣлъ „начало реакціи“ уже въ 1858 (признаніе поучительное для младшихъ поколѣній, которые не видѣли своими глазами, подобно намъ, что собственно періода прогресса, сколько нибудь, послѣдовательнаго, при Александрѣ II не было). Самаринъ, вѣдь съ кн. Черкасскимъ, близко и на дѣлѣ видѣлъ инструменты самодержавія, — а все таки не переставалъ ему поклоняться. Чрезвычайно интересна и прекрасно дополняетъ 5-е, напечатанное у насъ дальѣе письмо г. Аксакова, писанное тотчасъ послѣ эмансипаціи крестьянъ, тогдашняя же переписка Самарина и Черкасскаго съ Н. А. Милутинымъ, напечатанная г. А. Леруа-Болье въ *Revue des deux Mondes*, 1880, 15 Octobre. Слово: реакція тутъ прямо произносится столбами московской славянофильской школы (которые, замѣтимъ, ищутъ окказій, чтобы пересать письмо къ бывшему испр. д. товарища министра, открыто признанному братомъ со стороны самодержца!). Кн. Черкасскій только, находя реакцію неизбежною, не вѣритъ въ ея продолжительность: „Послѣ весенней оттепели, мы возвращаемся, говоритъ онъ, не къ суровой зимѣ, а къ скучной и грязной слякотѣ“, которой онъ назначилъ не болѣе 3-4 лѣтъ продолжительности. И однако-же эта слякоть затянулась на все царствованіе Александра II, и, когда она наконецъ вызвала себѣ противудѣйствіе въ революціонныхъ протестахъ, то перешла таки въ совсѣмъ суровую зиму.

Какъ же держали себя во все это время „свободомысленные“ славянофилы?

Ю. Самаринъ даже въ изданной за границей въ 1867 г. книгѣ „Охрана Россіи“, въ предисловіи, счелъ долгомъ кинуть камнемъ въ Герцена, забывъ собственныя ему благодарности за его службу Россіи *), и посвѣтивъ заявить себя сторонникомъ самодержавія.

*) „Всѣмъ извѣстно, начинаеть Самаринъ свою книгу, что русская заграничная пресса приписываетъ намъ худую, къ сожалѣнію, воплотъ заслуженную славу. И не мудрено. За очень рѣдкими исключеніями, во всѣхъ рукахъ его порочащихся (Герценъ и Шедо-Феротти безъ различія), она служила не Россіи, а политическимъ интересамъ и ученымъ, жившимъ въ ея, и частію вовсе ей чуждымъ частію положительно ей враждебнымъ и т. д. Такимъ же джонгльмонствомъ относился же-

«Я убежден, писал Самаринъ, что далеко еще не наступило въ Россіи время думать объ измѣненіи существующей формы правленія. Вижу, что самодержавная власть (чтобы она сама о себѣ ни думала) никогда не была такъ сильна и правственна, какъ теперь (это послѣ рескрипта 13 Мая 1866 г.!!); думаю, что никакая другая власть, въ настоящую минуту, не могла бы внушить такого къ себѣ довѣрія, ни располагать такъ легко такимъ добровольнымъ, единодушнымъ и безпритязательнымъ содѣйствіемъ пародныхъ силъ; вывожу отсюда, что историческое призваніе самодержавія еще не исполнилось и что ему предстоитъ совершить еще многое для блага Россіи; крѣпко держусь этой вѣры (все еще держусь, не смотря на все совершающееся и, по видимому, готовящееся въ настоящую минуту), что по существу своему, самодержавіе отнюдь не несомнѣннѣе съ тою свободою, въ которой мы въ настоящую минуту дѣйствительно пуждаемся, что, наконецъ, вопросъ теперь не въ томъ: какаѣ реформа правленія для насъ лучше, а въ томъ: которое изъ двухъ побужденій, периодически смѣняющихся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, окончательно возьметъ верхъ надъ другимъ: довѣріе или страхъ» (Окр. Р., вып. I, стр. II—III).

Прошло еще семь лѣтъ. Слякоть продолжалась. «Довѣрія» — не оказывалось. Самодержавіе все больше становилось орудіемъ бывшихъ крѣпостниковъ, которые стали составлять проекты радикальнаго преобразованія Россіи на олигархическихъ началахъ. Самаринъ почувствовалъ необходимость опять выступить за границу съ книгой, которая заключала критику этихъ проектовъ: «Революціонный консерватизмъ» (Берлинъ, 1875). Съ обычной ему ѣдкостью, онъ рисуетъ непослѣдовательность правительства (конечно, со временъ Петра I), его «реакціи, которыя, въ послѣднее время стали наступать гораздо неожиданнѣе, чѣмъ въ бывшіе времена». Вотъ, напр., строки, которыя поучительно прочесть и теперь:

«Въ одно прекрасное утро, Россія принимаетъ праздничный видъ — правительство открываетъ новое сооруженіе, только что возведенное по зрѣло обдуманному плану, и вводитъ въ него общество, выражая послѣднему свои надежды и полное свое довѣріе. Общество кланяется, благодаритъ и выражаетъ свою безграничную вѣру въ правительство. Правительство, въ свою очередь, благодаритъ общество за довѣріе и обѣ стороны расходятся въ умиленіи. На другой день, изъ высшихъ правительственныхъ сферъ, падаетъ на новое зданіе первый косой взглядъ. За ночь, люди, стоявшіе въ сторонѣ, покуда кипѣла работа, открыли въ немъ какіе то канитальные пороки, возбуждающіе сомнѣніе въ его прочности. Обыкновенно, какъ особенно опасное, выставляется то обстоятельство, что фундаментъ слишкомъ широкъ и заложенъ черезъ чуръ прочно, а верхнія надстройки слишкомъ легки; гораздо лучше наоборотъ: на жидкомъ фундаментѣ поставить грузное зданіе. На третій день, правительство выходитъ на площадь, кается всенародно въ своихъ ошибкахъ и пугаетъ общество грозными крушеніемъ. Общество, только что размѣтившееся на своемъ новосельѣ, оглядывается въ недоумѣніи и уходитъ покачивая головою; работа, начавшаяся внутри довольно живо, естественно утихаетъ. На четвертый день, отряженными мастерами этого дѣла замазываются нѣкоторые окна и заколачиваются нѣкоторыя двери. На пятый, правительственное сооруженіе отдается подъ стражу, наряжается слѣдственная коммиссія и объявляется конкурсъ на тему: «какъ бы разнести зданіе, по

разъ къ Герцену и г. И. Аксакову, начиная съ «Дня».

такъ, чтобы не было ни стука, ни пыли и чтобы этого не замѣтили ни Русской народъ, ни Европа?» Этой только минуты и выжидали «охранительные люди», какъ Вы ихъ называете; почуя ломку, они оживаютъ, сжимаются, нацѣляютъ свое воображеніе и прозвѣты сыплются со всѣхъ сторонъ.»

Какое же поученіе обществу даетъ умнѣйшій дѣятель славянской школы въ виду такого поведенія правительства, вообще, — и въ виду «надвигающейся новой исторической напраслины сверху»? — А вотъ какое:

«Намъ остается привести себя въ такое же настроеніе духа, съ какимъ покорный паціентъ, привязанный къ постели, готовится встрѣтить не по разуму усерднаго фельдшера, охотника до трудныхъ операцій и сбивающаго учинить опытъ падъ anima vili».

«Неисправимый славянофилъ, говоритъ затѣмъ Самаринъ, — я всетаки вѣрю, что Россія, уйдя внутрь себя, оттерпится и на сей разъ и не умретъ подъ пожемою; онъ только беспокоится, что «когда она (Россія) очнется, окупаетъ себя и станетъ на ноги, найдетъ ли она при себѣ прежнюю (когдашнюю??) свою вѣру въ правительство, въ крѣпость его слова, въ твердость его намѣреній, въ прочность и надежность его твореній?» —

Вскорѣ послѣ написанія этихъ словъ Самаринъ умеръ. И. С. Аксаковъ дожилъ до худшихъ, до нашихъ временъ. И что же? Когда общество стало наконецъ просыпаться, когда земства стали подавать голоса въ духѣ тѣхъ адресовъ, сущность которыхъ самъ же г. Аксаковъ одобрялъ въ 1858 г., когда само правительство колебалось, — сторонникъ свободы сужденія и печати, «другъ земли» и недругъ «власти», г. Аксаковъ не нашелъ для себя болѣе приличной роли, какъ нападать на либерализмъ, на либеральную печать, стоять за самодержавіе, окрылять его въ упорствѣ противъ «лже-земства» и «лже-народа»!!

Нѣтъ, эти господа самые вредные помощники деспотизма, потому что они безкорыстные его слуги, потому что они по временамъ украшаютъ свои рабскія знамена эмблемами свободы, потому что, даже будируя противъ правительства, они ничего не придумываютъ для общества, кромѣ покорности паціента, привязаннаго къ постели!

И люди, дѣйствительно желающіе добра русскому народу, любящіе его, хотя бы только по непосредственно-національному чувству, всего лучше поступятъ, если откровенно отдѣлятся отъ такихъ представителей ихъ направленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ самодержавія, которому эти господа не перестаютъ поклоняться.

КЪ АПУХТИНСКИМЪ БЕЗПОРЯДКАМЪ ВЪ ПУЛАВАХЪ.

Намъ доставленъ изъ Кіева гектографированный экземпляръ воззванія студ. Ново-Александр. Института къ студентамъ К. университета съ прибавленіемъ нѣсколькихъ словъ отъ этихъ послѣднихъ. Документъ составленъ по-русски и по польски. Вотъ онъ:

ТОВАРИЩИ!

Надѣмся, что Вамъ не безынтересно узнать подробности о закрытіи нашего института. Передаемъ голые факты:

11-го и 13 Февраля произведены обыски у 20-ти студентовъ и въ студенческой читальнѣ, гдѣ были найдены на столѣ запрещенныя

двѣ брошюрки*). 5 товарищей были арестованы, читальня и бібліотека по распоряженію попечителя (Апухтина) запечатаны.

22-го Ф: собралась сходка. Директоръ не желалъ явиться. Ему грозили устроить демонстрацію. Онъ пришелъ. Потребовали открытія читальни и бібліотеки, а также уничтоженія всѣхъ нововведенныхъ притѣсненій.

27-го Ф: газеты были возвращены.

3-го Марта открыли читальню.

4-го М: пріѣхалъ попечитель Апухтинъ. Свое прібытіе ознаменовалъ исключеніемъ студента за то, что тотъ въ разговорѣ сказалъ ему: «г. попечитель», а не «Ваше П—ство!» Посѣщая аудиторію, придирался къ цвѣтнымъ галстукамъ, длинн. сапогамъ, малорусскимъ рубашкамъ и къ манерамъ держать себя въ его присутствіи. Послѣ лекцій студенты собрались въ аудиторію 1-го курса предложить попечителю — возвратитъ бібліотеку, ассигновать суммы для уплаты недостаточнымъ студентамъ за слушаніе лекцій, и вообще — возвращенія всѣхъ правъ, отнятыхъ у насъ за Ноябрьскіе безпорядки. Попечитель присылалъ нѣсколько разъ директора и инспектора разогнать сходку. Но студенты настойчиво требовали попечителя. Наконецъ Апухтинъ влетѣлъ съ крикомъ: «Прочь! Долой со скамей! приказываю разойтись; полиціей разгоню!» Онъ продолжалъ реветъ. «Чего реветъ? Замолчи!» и т. п. «Мы желаемъ говорить, но не ругаться». Апухтинъ продолжалъ ругаться. «Замолчи!» посыпалось со всѣхъ сторонъ и аудиторія отсланилась пронзительными свистками. Попечитель бросился къ дверямъ съ непечатною руганью. «Трусъ! Подлецъ!» посыпалось ему вслѣдъ. Студенты разошлись.

5-го М: аудиторіи были заперты. 18 студентовъ исключено. Студенты выломали дверь и собрались въ аудиторію, гдѣ и порѣшили требовать объясненія причинъ исключенія товарищей. Объявлено на это заявленіе послужило появленіе войска въ аудиторію. Студенты вначалѣ хотѣли протестовать противъ грубаго произвола и поруганія надъ храмомъ науки, но потомъ порѣшили отнравиться въ канцелярію, гдѣ составлено было коллективное прошеніе о выдачѣ документовъ, подъ которыми подписались всѣ безъ исключенія.

6-го М: Студенты собрались на институтскій дворъ съ цѣлю подать прошеніе и были разогнаны войсками.

7-го М: Институтъ объявленъ закрытымъ. Всѣмъ намъ выданы документы.

Бывшіе студенты Пулавскаго Института. Новая Александрія (Пулавы) 7-го Марта 1883 г. (Копія съ гектографированнаго заявленія).

Знакома студенчество съ описаніемъ возпавшій Пулавскихъ нашихъ товарищей, отмѣчаемъ ихъ въ длинной цѣпи университетскихъ безпорядковъ, какъ примѣры рѣдкой солидарности при отстаиваніи во имя справедливости своихъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ при безоружномъ протестѣ мысли и слова противъ произвола и насилія.

Выражая негодованіе на насилія ихъ начальства и мѣстной администраціи, высказывая свое полное сочувствіе ихъ протесту и отдавая долгъ справедливой оцѣнки проявленія въ ихъ образѣ дѣйствій высокаго самопожертвованія, пониманія своего человѣческаго достоинства и гражданского самосознанія, не можемъ не пожелать такого же единодушія, взаимной поддержки и сознанія общности интересовъ студенчества другихъ университетовъ.

Привѣтъ Вамъ, оскорбленные товарищи!

Привѣтъ Вамъ, поруганные друзья!

Привѣтъ Вамъ, братья!

Кіевскіе студенты. 20-го Марта 83.

Прибавимъ къ этому, что въ иностранныхъ газетахъ появились денешніе объ открытіи Пулавскаго института, съ прибавленіемъ о томъ, что г. Апухтинъ желалъ его окончательнаго закрытія, на что не согласился ген. губернаторъ Альбединскій.

*) Пріѣзжіе говорятъ, что брошюрки эти подброшены жандармами. Прим. нашего кіевского корреспондента.